

30. На краю Мейз. Погоня завершена

Да, все зависит от точки зрения, думал Хейдьюк, идя сквозь дождь в сторону видимой части Лизард Рок. Если посмотреть на нее с точки зрения канюка, дождь — это обуза. Ничего не видно, нет еды. Но с моей точки зрения, с точки зрения партизана...

Ему оставалось пройти полторы мили, обогнув ответвления ущелий в голой скале, маленьких глубоких каньонов, все они начинали бурлить от воды, красно-коричневая масса пульпы была слишком густая, чтобы пить и слишком жидкая, чтобы идти по ней.

Он остановился за мокрым грязным кустом скалистой розы, чтобы пропустить пару джипов, их янтарные огни фар мелькали сквозь стену падающей воды. Восстановив дыхание и силы, почувствовал прилив сил, он побежал трусцой через грязную грунтовку и вокруг лагеря с приземлившимся вертолетом, направляясь к тайнику. Когда палатка, машины и вертолет стали видны сквозь дождь, он встал на колени и локти, прополз еще пятьдесят ярдов и остановился.

Вглядываясь сквозь дождь из-за кучи валунов, сорвавшихся со скал Лизард Рок, он оценил обстановку. Двое вооруженных людей в пончо сидели возле костра, наблюдая за варившимся кофе. Другой высунул голову из оливкового цвета военной палатки. Большой серый вертолет — департамент общественной безопасности, штат Юта, стоял на салазках, бесполезный в дождь. Департамент общественной безопасности — новое, более мягкое название государственной полиции, что было слишком громко и грозно.

— Кофе готов?

— Почти.

— Принесешь, когда будет готов.

Голова скрылась в палатке. Хейдьюк посмотрел направо; двое с винтовками курили в одном из полицейских вездеходов. Другие машины были пусты. Он посмотрел на откос Лизард Рок, на небольшие заросли, возле этого криво растущего можжевельника, где они спрятали припасы. Вода и пища, аптечка, чистые носки. И патроны, две полные коробки, он сам их положил, не испытывая судьбу.

Что делать, что же делать? Все тот же старый вопрос. Тайник, такой близкий и ценный, оставался все его досягаемости, в каких-то ста ярдах от палатки и костра. Что делать? Надо что-то придумать. Дождь барабанил по его терпеливой голове, сливаясь водопадом с

kozyрька кепки. Да, он мог подождать, пока они что-то не начнут делать, пока они не уйдут, оставив его в покое. Но было ясно, что они не сядут в вертолет, пока дождь не закончится. Или бросят его здесь без охраны. Таким образом было потеряно слишком много вертолетов. Он мог подползти с другой стороны, сделать пару выстрелов, отвлечь внимание, вернуться и атаковать оставшихся.

Он попятился, ползя по-пластунски по мокрому песку пока не лагерь не скрылся из виду, затем влез на откос под скалой и нашел убежище под нависающим карнизом. Там он сел среди пыли, костей и окаменевшем дерьме койотов и думал что ему делать. Надо было заставить Смита пойти с ним. Как? Нужно было не бросать рюкзак, а нести его, как положено. Но пришлось бросить. Но бросать не следовало. Но он бросил. Да, не о том он думает. Но шанса вернуть время назад нет. Он не мог убедить себя. Ни в чем. Голод в его пустых руках и ногах, эхо в желудке делало все нереальным, умозрительным, не важным. Академичным.

Нужно поесть. Он пососал сустав пальца. Боже, думал он, человек может в самом деле получить облегчение, если будет сосать свои пальцы. Можно нормально обойтись одной рукой, если надо. Возможно. Если есть помощь. Но только не здесь, внизу. Он посмотрел на Мейз и увидел сквозь серебряный экран дождя безжизненную страну скал: купола, слоновьи туши, рытвины и воронки, изрезанные и изрытые каньонами, боковыми каньонами, они извивались как черви, с неровными стенами и видимо без дна. Что за бардак, подумал он, человек может потеряться здесь.

Чувствуя себя в безопасности, хотя и страдая от голода, и не имея плана, голодный Хейдьюк отстегнул ружье, снял с плеча веревку и прилег отдохнуть. Он тут же погрузился в забытие. Сны были быстрые, отрывочные и дискомфортные, он проснулся. О Боже, я должно быть ослабел, подумал он. Не могу не спать. Он снова погрузился в дремоту.

Он проснулся от звука работающего мотора. Дождь приутих, возможно это его и разбудило. Тишина, последовавшая за шумом. Слабый и неуверенный, Хейдьюк взял ружье и поднялся на ноги. Полицейский лагерь был закрыт стеной Лизард Рок. Он споткнулся о камень, чуть не упав, и достиг точки наблюдения.

Он видел их, людей, палатки, тлеющий костер, машины и вращающийся винт вертолета. Они его прогревали. Двое сидели возле открытой дверцы, проверяя оружие, куря. На них были камуфляжные костюмы цвета хаки, как у боевых солдат. У одного на шее болтался бинокль. Оба были в шлемах, и, судя по выпуклости костюмов, в пуленепробиваемых жилетах.

Хейдьюк наблюдал за ними сквозь снайперский прицел ружья, перекрестье нацелилось вначале на одного, затем на другого. Один из них был небрит, с красными глазами и уставший, у другого были густые усы, мокрый нос, тонкие губы, густые брови, острые глаза охотника. Эти глаза в любой момент были готовы прицелиться и посмотреть в его сторону. И когда он поднимет глаза, получит гостинец прямо в шею.

Хейдьюк подкрутил прицел, чтобы прочесть имя на груди. У всех были нашивки с именами. Одного звали Джим Крамбо, у него в руке был «Браунинг», трехдюймовая двенадцатизарядная полуавтоматическая винтовка (вот гад!) наготове. Его личный номер был, видимо, на браслете, и на левом кармане. Он был похож на офицера.

Снова Вьетнам... Ни о чем он не скучал, кроме марихуаны, Уэстморленда, шлюх и Союзных флагов. Со мной, последним, получившим медаль за отвагу в джунглях. Или я первый? В джунглях тишины и камня. Вставай, свинья, чего ты ждешь? Хейдьюк, с нетерпением, рыскал прицелом по лагерю, как любопытный созерцатель, ища что бы подстрелить, что бы поесть.

Дождь уменьшился. Видимость до пяти миль. Пилот появился в кабине. Крамбо и его приятель залезли в вертолет, закрыли двери, и машина, с ревом набрала высоту в серо-зеленой измороси. Хейдьюк вжался в камни, глядя сквозь прицел на пилота. Бледное лицо за стеклом. Шлем, микрофон перед ртом, солнцезащитные очки. В этой экипировке он выглядел наполовину человеком, и определенно не был другом.

Вертолет слился с морозящей дымкой, и скрылся в южном направлении в сторону Финз. Хейдьюк переключил свое внимание на лагерь.

Двое уезжали в полноприводном пикапе, по скользкой дороге в сторону Кендлстик Спайе и Стендинг Рокс. Неужели никого не осталось? Он внимательно осмотрел лагерь. Две машины остались, палатки, дымящийся огонь. Людей не было видно, возможно остальные ушли патрулировать пешком.

Он подождал, хотя желудок уже давно пел песни. (О Боже, арахисовое масло! вяленое мясо! бобы!) Подождав с полчаса, он никого не дождался. Ждать дальше было выше его сил.

С ружьем наперевес он пошел вниз через склон, в сторону тайника. Где возможно, он прятался, под можжевельниками или за валунами, но это получалось слабо.

Оставалось буквально несколько ярдов до цели, как вдруг — о, Господи! — из палатки выскочила собака и лая, как сумасшедшая, понеслась на него. Молодой пес был похож на эрдельтерьера, коричневый с черными пятнами. Он побежал к Хейдьюку, затем остановился на полпути, в замешательстве, помахивая обрубок хвоста. Хейдьюк проклиная чертового пса заметил двоих, вылезших из палатки с чашками кофе в руках. Они оглянулись, и заметили его.

Он среагировал молниеносно, выстрелив с бедра, и разбив вдребезги окно в ближайшем пикапе. Двое нырнули в палатку за оружием и рацией.

Хейдьюк отступил. Пес побежал за ним еще около ста метров и остановился, виляя своим дурацким хвостом.

Хейдьюк рванул в сторону, гребня Мейз, единственное убежище, которое он видел или думал в тот момент. Он там до этого не был, но ему было не важно. Чертовы домашние собаки! Скормить бы их всех койотам, думал он на бегу. Обходя открытый гребень, он

бежал сквозь можжевельник, вниз к каменному полуострову, который был похож на указательный палец, показывающий в сердце Мейз. Палец был длинный, мили две длиной, но укрытия почти не дававший. На полпути к краю скалы он услышал знакомый звук лопастей вертолета. Оглянувшись, он не увидел его, продолжал бежать, хотя его ребра трещали от боли, горло горело, требуя больше воздуха, больше пространства, больше энергии, больше любви, больше чего угодно, только не этого.

Но было именно это, думал он, набирая скорость по сверкающей скале, освещенной одиноким лучом, пробившимся сквозь облака, как луч Божий, и движущимся по каменной эспланаде, за последнее дерево, площадку левее, галерею скал внизу в открытом театре пустыни.

Хейдьюк был единственной звездой этого шоу, гвоздем программы, единственным и неповторимым. Он бежал по голой скале в сторону оконечности, носа, конца полуострова. Сплошные каньоны были по каждой стороне, сто, четыреста, пятьсот футов глубиной, со стенами, настолько гладкими и ровными, что Бонни называла их Вэмпайр Стейт Билдинг[10]

Безнадега? Тогда не о чем беспокоиться, вспомнил он, отдуваясь, как марафонец в конце забега. Вот мы и приехали, я на краю, сейчас они меня пристрелят, как собаку, отсюда никуда не деться, нет выхода, у меня даже нет моей веревки, ситуация абсолютно тупиковая, так что не о чем беспокоиться, более того, у меня шесть патронов в ружье и пятьсот двадцать для револьвера.

Пока Хейдьюк размышлял таким образом, сзади раздалась стрельба, возвратился вертолет, дюжина мужчин пешком и дюжина на патрульной машине с радиосвязью остановились и повернули в его сторону, объединяясь против одного измученного, голодного, загнанного у угол психопата.

Полуденное солнце засветило ярче, сквозь дыры в облаках лучи играли в стране каньонов, а Хейдьюк, замеченный с вертолета, спотыкался и покачивался, балансируя на краю скалы.

Он посмотрел вниз с обрыва и увидел, в пятиста футах внизу полужидкую пенистую массу грязи, бросающуюся вниз на дно каньона, струящаяся в его изгибах, грохочущая на переливах, рычащая и бурлящая где — то внизу, впадая в невидимую Зеленую реку в пяти, а может, в двадцати пяти милях отсюда, он не мог оценить дистанцию. Катящиеся булыжники стучали и грохотали внизу, бревна плыли мимо, выкорчеванные деревья качались на волнах, он подумал — было бы не хуже прыгнуть в реку лавы.

Вертолет заложил большой круг. Хейдьюк пролез в трещину в скале, затаился, свернулся, щель была едва широка, чтобы он поместился туда, глубокая и искривленная, что дна ее он не видел. Скалистая роза на одной стороне, кустик можжевельника на другой. Не на что опереться ногой, он расклинил себя в трещине, упершись спиной в одну стену, а коленями в другую, как в дымоходе. Зажатый в массе камня весь, кроме глаз и рук с ружьем он ожидал первого из нападавших.

Были ли ему страшно? Нет, Хейдьюк был вне страха. Напуганный до смерти на финише, он слишком устал, чтобы бояться, слишком измотан, чтобы думать о сдаче. Ужасная вонь из

джинсов и теплая полужидкая субстанция, вытекающая из правой штанины едва ли казалась ему продуктом, произведенным им самим. Он был занят другим, он посмотрел в прицел, сосредоточился на спусковом крючке, на поправке на снос, его ум был ясен, как кишечник.

Вертолет с грохотом пронесся мимо, в поисках жертвы. Не раздумывая, как учили, Хейдьюк выстрелил в кабину пилота и чисто случайно не попал в лицо пилоту. Вертолет резко повернул и вспышки выстрелов показались в боковой двери. Осколки камня полетели вблизи места, где сидел Хейдьюк. Вертолет повернулся хвостом к нему, он выстрелил в главную передачу хвостового винта. Вертолет более напуганный, нежели поврежденный полетел обратно в лагерь для ремонта и перерыва на кофе для экипажа.

Хейдьюк выжидал. Люди на земле держались на безопасной дистанции, в шестиста ярдах, на открытом месте, и ожидали подкрепления. Хейдьюк нашел более безопасную нишу в расселине скалы и снял свои зловонные джинсы. Он верил, что сегодня умрет, но умирать, барахтаясь в собственном дерьме, ему не очень хотелось. Первой мыслью его было выбросить их со всем дерьмом вниз на склон позади него, но потом у него возникла мысль получше. Все равно делать было нечего. Он отломал небольшую ветку розы, яркие цветки пахли, готовые выбрасывать семена.

Он выскреб дерьмо из штанов. Зачем? При данных обстоятельствах, зачем беспокоиться? Это вопрос достоинства, думал Хейдьюк. Оставив штаны проветриться он ждал очередного нападающего. Четыре патрона в ружье, два для вертолета, два для двух, кто подойдет, и заряженный револьвер для оставшихся. Долго он не продержится.

Сэм Лав прибыл последним, но он успел к концу концерта. Особой разницы не было, он уже ни за что не отвечал, просто удовлетворял свое любопытство. Прошло двадцать четыре часа с того времени, как он отправил брата на вертолете под присмотром Дока и Бонни в реанимацию больницы Моаб.

Сэм был просто зритель, сторонний наблюдатель, и был этому рад. Он и репортер из Солт Лейк Сити сидели на валуне и наблюдали за полем боя. Заходящее солнце освещало широкую панораму Мейз, как огромную сцену, с красными башнями, пурпурными бороздами и голубыми горами, служащими задним планом. На авансцене, внизу был слышен винтовочный огонь, доказывающий, что где есть жизнь, там есть и надежда. Два вертолета и самолет барражировали безо всякого толку, расходуя топливо.

— Которого из них он подстрелил? — спросил Сэм.

— Того здорового, из общественной безопасности. Они зовут его «штатский Хью», по моему. Только он его не подстрелил, просто повредил хвостовой винт и проделал дыру в стекле. Никто не пострадал, но им пришлось сесть на время.

— Где именно он сидит? — спросил Сэм.

— На самом краю, — журналист посмотрел в бинокль, Сэм сделал то же самое, — он забился в трещину в скале, между вон теми кустами. Около пятисот ярдов.

Сэм навел бинокль. Он видел два куста, оба почти без листьев, и почти без веток, видимо ружейным огнем их посбивало, но он не видел беглеца.

— Откуда вы знаете, что он все еще там?

— Час назад он выстрелил, когда они пытались забросать его гранатами. Чуть не попал в пилота, гаденыш.

— Куда они стреляют?

— По кустам, может будет удачный рикошет, чтобы его задел. Да и просто убить время.

Никого не ранили, подумал Сэм.

— Сколько он уже там торчит?

— Шесть с половиной часов, дьявол его побери.

— Похоже у него кончились патроны. Неплохо было бы поймать его пока не стемнело.

Репортер улыбнулся.

— Хотите возглавить операцию?

— Нет.

— Никто тоже особенно не рвется. Перед ними в трещине опытный снайпер, может у него еще остались патроны. Они просто ждут, чтобы он вышел.

— Лучше бы они подошли ближе, — сказал Сэм, — этот Рудольф умеет лихо исчезать с краев каньонов. Они уверены, что он уже не внизу, в Мейз?

— Они поставили двух людей на холме с другой стороны каньона. Там отвесный обрыв в пятьсот футов высотой, голый песчаник, никак не слезть вниз. Даже если он попытается, они это увидят. Если он упадет, он попадет в такой поток, которого тут не видели за последние сорок лет, как сказал шериф. Я бы сказал, этот твой Рудольф по уши в дерьме.

— Спасибо, он не мой. Но у него длинная веревка.

— Уже нет, они нашли веревку.

Выстрелы повторились, снова с одной стороны.

— Могу спорить, у него нет патронов, — сказал Сэм, — может он сдастся.

— Может быть. Если бы он был обычный уголовник, то так видимо и было бы. У него, должно быть, прилично пересохло горло. Но ребята из общественной безопасности сказали, что это настоящий псих.

— Верю.

Сэм опустил бинокль. Он играл с ним, думая, что он там делает, вдруг он услышал выстрел вблизи. Поток выстрелов понесся по всей длине линии огня, дюжина или больше автоматических винтовок палила что ест мочи. Лавина пуль понеслась в цель.

— О, Боже, — пробормотал Сэм. Он снова поднял бинокль, нашел интересующий его объект в нескольких футах от края скалы, растерянная неловкая получеловеческая фигура, поднявшаяся по пояс из того, что выглядело с точки наблюдения Сэма каменной массой. Он увидел желтую кепку, щетинистую лохматую голову, плечи, грудную клетку, и торс чего-то, одетого в голубой линялый хлопок, точно как тогда, когда он удирал от них. В руках у человека было ружье. С такого расстояния даже в бинокль он не мог уверенно сказать кто это был — однако это должен быть он. Должен быть. Но с одной оговоркой — этого человека у него на глазах разорвало на куски.

Сэм Лав прожил тихую жизнь, думая в основном о бизнесе, он никогда не видел своими глазами физического разрушения человеческого существа. Ошеломленный, ослабевший от ужаса, он увидел, как фигура Рудольфа двинулась или сползла в сторону, половина внутрь, половина вне трещины, (почему, Господи!), и под ливнем пуль тело разлетелось на куски, щепки, обломки, обрывки, руки повисли, как обрубленные, ружье упало, голова разлетелась на куски и обломки, и то, что только что было живым американским парнем секунду назад, стало прахом.

Сэм смотрел, не в силах оторваться. Изрешеченное тело повисло на краю скалы, и под градом пуль, как под ударами молотка, упало вниз. Остатки Рудольфа Рыжего упали, как мусорный пакет, в бурлящую бездну каньона, скрываясь от человеческих глаз (и от женских тоже) навсегда. Тело точно никогда не найдут.

Сэм это чувствовал. Через несколько минут, когда репортер и все остальные подбежали с криком, он подумал (как сказала бы его дочь) что сейчас вернёт назад съеденное печенье. Но нет, приступ тошноты прошел, хотя память об этом ужасе останется на месяцы и годы. Он отхлебнул воды из фляги, съел пару крекеров из своего пакета с ланчем, и, спустя несколько минут, почувствовал себя лучше. Он присоединился к полицейским, шерифам из трех округов с заместителями, ассистенту главы национального парка, рейнджерам, журналистам и оставшимся членам поисково-спасательной команды округа Сан Хуан.

На краю скалы они не нашли следов плоти и костей. Был след крови поперек камня, ведущий к краю пропасти. Они нашли ружье Рудольфа, разбитые остатки когда-то великолепного Ремингтона со снайперским прицелом, с одним патроном. Кто-то бродил вокруг, кто-то изучал изрешеченные кусты можжевельника и розы, которые давали преступнику хоть и небольшое, но убежище, откуда он стрелял на протяжении долгого дня, Кто-то изучал избитый пулями песчаник, обгоревшие пятна огня и пыль от разорвавшейся гранаты, бросал камни в трещину, которая разделяла основную часть гребня и ее окончание. Камни падали в тень, исчезали, со стуком падая на дно.

Капитан полиции связался по радио со своими людьми на противоположном холме и подтвердил, что Рудольф абсолютно точно упал в каньон. Два человека наблюдали падающее тело до самой воды. Они видели куски тела, в обрывках рубашки, которые плыли, пока не скрылись за поворотом.

Пилот вертолета попытался проследить за останками, но не смог.

Капитан собрал осколки ружья и гильзы от патронов. Все шли очень медленно и задумчиво, почти ничего не говоря, к лагерю в Лизард Рок. Все, кроме Сэма Лава. Прибывший последний к сцене смерти, он был последним, кто ушел. Он медлил, колебался, сам не зная почему, глядя вниз в ревуший каньон. Ошеломленный звуком и слегка испуганный глубиной пропасти, он сделал пару шагов назад, поднял глаза и посмотрел на стены и каньоны Мейз, гротескный лабиринт камня в заходящем солнце. С чувством отчужденности он посмотрел на север, на удаленные скалы Бук Клиффс, в пятидесяти милях, на восток где виднелись покрытые снегом пики Моаб. В конце концов Сэм повернулся и посмотрел назад, на путь, который он (и Рудольф) проделал, мимо пика Подсвечник, мимо скалы Ящериц, в сторону необжитых Финз, малоизвестных глубин Стоящей скалы, в надвигающихся сумерках.

Пора было идти. Сэм опустился на колени, чтобы еще раз заглянуть в трещину. Он пытался увидеть дно, но было слишком темно. Слишком темно, подумал он.

— Рудольф, — сказал он, — ты здесь, внизу? — он подождал. Ответа не последовало. — Тебе не одурочить всех, — пауза, — слышишь меня? — в ответ тишина.

Сэм подождал немного, встал и пошел за друзьями и соседями. Им предстоял долгий и скучный путь в объезд, в Блендинг через Край Земли, Зеленую реку и Моаб (прямой короткий путь мимо Хайт Марина, через Колорадо, был временно закрыт дорожной службой в связи с текущим ремонтом моста). Но Сэм почувствовал себя лучше, живот отпустило, он почувствовал себя здоровым человеком с почти нормальным аппетитом. Он, и гриф в небесах, так высоко, что его почти не было видно, испытывали одинаковое чувство: время обедать.

Версия #1

Зверобой создал 22 апреля 2025 04:12:12

Зверобой обновил 22 апреля 2025 04:12:29